

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТЫЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, съ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, съ доставкой въ С.-Петербургъ, пересылкою во всѣ города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства въ С.-Петербургѣ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

1.

По опредѣленію Святышаго Правительствующаго Синода, объявленному въ Указѣ онаго на имя Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, отъ 19-го іюля 1910 г. за № 8543, протоіерей церкви Генеральнаго и Главнаго Штаба Павель *Левашевъ*, вслѣдствіе его прошенія, уволенъ отъ должности сверхштатнаго члена Духовнаго при Протопресвитерѣ военнаго и морскаго духовенства Правленія и на эту должность назначень протоіерей церкви Императорской Николаевской военной академіи Георгій *Шавельскій*.

Во исполненіе циркулярнаго указа Святышаго Синода, отъ 16 іюня 1910 г. за № 14, предписывается подвѣдомственному мнѣ военному и морскому духовенству произвести за богослуженіями праздника Успенія Пресвятыя Богородицы (14 и 15 августа) текущаго года церковно-кружечный сборъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Москвѣ, на Красной площади памятника, патріарху

Гермогену и настоятелю Троице-Сергіева монастыря архимандриту Діонисію и предложить прихожанамъ для записи пожертвованій на тотъ же предметъ особые подписные листы, за подписью о.о. настоятелей церквей и за скрѣпою церковною печатью.

Собранныя пожертвованія должны быть представлены не позднѣе трехъ мѣсяцевъ со дня опубликованія настоящаго распоряженія въ Императорское Московское Археологическое Общество, по адресу: Москва, Берсеневка, соб. д. Общества, или внесены на имя Общества въ мѣстныя Казначейства.

Протопресвитеръ *Е. Аквилоновъ.*

Призывъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества къ пожертвованіямъ на памятникъ патриарху Гермогену и архимандриту Діонисію.

25-го октября 1912 года исполнится ровно 300 лѣтъ съ того дня, когда польскій гарнизонъ, занимавшій Москву слишкомъ два года, сдался осаждавшему его русскому ополченію. Столица была освобождена отъ непріятели послѣ долгой, кровопролитной и дорого стоившей борьбы; тогда получилась возможность возстановить въ странѣ государственный порядокъ и приступить къ избранію истиннаго русскаго Царя. На насъ, какъ на потомкахъ геройскаго поколѣнія освободителей, лежитъ священный долгъ съ подобающимъ благоговѣніемъ отнестись къ ихъ подвигамъ и ознаменовать этотъ незабвенный историческій день достойнымъ его памятникомъ.

Около столѣтія тому назадъ (въ 1818 г.) при императорѣ Александрѣ I въ Москвѣ на Красной площади былъ воздвигнутъ, внушительный по замыслу и по своимъ размѣрамъ, монументъ двумъ главнымъ вождямъ освободительнаго ополченія, князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и нижегородскому гражданину Козьмѣ Минину. Этимъ монументомъ исполнена была только половина задачи. Тутъ въ лицѣ князя Пожарскаго воздана честь военнотружилось сословію, а въ лицѣ Минина—земскому. Но былъ еще третій и едва ли не самый главный двигатель освобожденія—это Православная Церковь, православное духовенство. Самое освободительное дви-

женіе поднялось и совершилось подъ знаменемъ православія, которое сплотило и вдохновило русскихъ людей въ тотъ моментъ, когда на Руси не существовало единой верховной власти, когда государство Русское готово было распасться на составныя части и отдѣлаться добычею иновѣрныхъ, алчныхъ сосѣдей.

Въ эту критическую пору среди православнаго духовенства нашлось немало добрыхъ пастырей, горячо призывавшихъ свою паству постоять за вѣру и отечество и презиравшихъ личную опасность, которая грозила имъ какъ отъ непріятелей-иноземцевъ, такъ и отъ многочисленныхъ русскихъ воровъ или измѣнниковъ. Во главѣ такихъ неустрашимыхъ пастырей явились два великихъ вдохновенныхъ подвижника: престарѣлый Гермогенъ, патріархъ Московскій, и Діонисій, новоназначенный архимандритъ Троице-Сергіевой Лавры, которая незадолго передъ тѣмъ выдержала знаменитую осаду.

Когда обнаружались замыслы польскаго короля Сигизмунда, ревностнаго католика, воспользоваться выборомъ на Московскій престолъ его сына Владислава, чтобы самому водвориться въ Москвѣ (благодаря тому, что бояре неосторожно позволили полякамъ занять ее своимъ гарнизономъ), тогда Гермогенъ, немедля, началъ разсылать по областямъ грамоты, призывая народъ для защиты православной вѣры отъ латинскаго короля и для изгнанія враговъ. Тщетно поляки и русскіе измѣнники окружили его стражей и старались прекратить всякія сношенія его съ народомъ; грамоты достигали своего назначенія и производили глубокое впечатлѣніе. Подъ ихъ вліяніемъ собралось и двинулось къ Москвѣ первое ополченіе, во главѣ котораго сталъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. Несмотря на удачное начало, это первое ополченіе не достигло цѣли; Ляпуновъ палъ жертвою коварства внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Теперь, когда бѣдствія Россіи достигли высшей степеніи и она оказалась на краю гибели, а святѣйшій патріархъ былъ подвергнутъ тѣсному заключенію въ Чудовомъ монастырѣ, продолжателемъ его подвига явился его ставленникъ на архимандрію Троицкой Лавры, скромный, дѣятельный и талантливый Діонисій. Онъ сочинялъ краснорѣчивыя посланія, а сидѣвшіе въ его кельѣ борзописцы списывали ихъ въ значительномъ количествѣ, и онѣ разсылались по городамъ.

Эти троицкія грамоты особенно могучій отзвукъ нашли въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ земскій староста Козьма Мининъ своими пламенными патріотическими рѣчами сумѣлъ чрезвычайно одушевить своихъ согражданъ и

подвигнуть ихъ на великія жертвы. Здѣсь собралось второе ополченіе, которое нашло себѣ достойнаго вождя въ лицѣ князя Пожарскаго. Польскіе предводители потребовали отъ Гермогена, чтобы онъ написалъ въ Нижній-Новгородъ увѣщаніе отмѣнить походъ. Патріархъ отвѣчалъ благословіемъ русской рати и проклятіемъ измѣнникамъ. Враги стали морить его голодомъ. Великій старецъ, называемый современниками крѣпкій «адамантъ», 17 февраля 1612 года, по словамъ лѣтописца, «предалъ свою праведную душу въ руки Божія».

Троицкая Лавра не ограничилась однѣми призывными грамотами; она все время принимала дѣятельное участіе въ походѣ второго ополченія. При немъ находился и ее ижеархъ, знаменитый Авраамій Палицынъ, который явился усерднымъ помощникомъ Діонисія. Онъ съумѣлъ зажечь патріотическое рвеніе даже среди буйныхъ казаковъ, которые еще со времени перваго ополченія стояли таборами подъ Москвою.

Императорское Московское Археологическое Общество взяло на себя починъ въ дѣлѣ чествованія названныхъ церковныхъ подвижниковъ по поводу истекшаго трехсолѣтія и вошло со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о возведеніи симъ подвижникамъ величественнаго памятника на той же Красной площади противъ монумента Минину и Пожарскому. На этомъ памятникѣ предполагается воздвигнуть двѣ фигуры во весь ростъ, патріарха Гермогена и архимандрита Діонисія, а заслуги Авраамія Палицына могутъ быть увѣковѣчены на барельефахъ, изображающихъ важнѣйшіе моменты событій. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Всемиловнѣйше соизволилъ на сіе ходатайство и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ открыть по всей Имперіи сборъ пожертвованій на памятникъ. Археологическое Общество крѣпко надѣется, что его обращеніе къ русскимъ людямъ не останется безъ соотвѣтственнаго отзвука и что на его настоящую призывную грамоту откликнется все православное и патріотически настроенное населеніе Россіи.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Секретарь *В. Трутовскій.*

Государевъ ботъ. Не страшны ему гребни сердитыхъ валовъ. Смѣло онъ взлетаетъ на нихъ, быстро ныряетъ и снова взлетаетъ: видно, твердая рука править имъ; на немъ самъ Царь Петръ. Уже близка Лахта. Но, вотъ, тамъ на отмели засѣлъ ботъ съ солдатами. Никакъ имъ не столкнуть его на водный просторъ. Видитъ все это Царь, не выдержало сердце его. Руль на-право, и царскій ботъ пошелъ на помощь. Забытъ высокій титулъ. Петръ бросается первый въ воду, хватаетъ выбившихся изъ силъ людей, спасаетъ и помогаетъ стаскивать самый ботъ. Историкъ заканчиваетъ: «Петръ пріѣхалъ больной и не могъ уже оправиться. 22-го числа исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ Христовыхъ и 28-го апрѣля 1725 года въ страшныхъ страданіяхъ, съ полнымъ признаніемъ человѣческой слабости, съ требованіемъ подкрѣпленія свыше, подкрѣпленія религіознаго, умеръ величайшій изъ историческихъ дѣятелей».

Цѣлое море священныхъ воспоминаній рѣветъ надъ городомъ Выборгомъ, сегодня празднующимъ 200 лѣтъ своего завоеванія Великимъ Петромъ. Беру на себя смѣлость изъ всѣхъ этихъ воспоминаній указать вамъ, слушатели христіане, на этотъ подвигъ самопожертвованія, характеризующій душу Царя-труженика. Вѣдь, по мелочамъ судится человѣкъ. *«Больше сая любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя»* — вотъ, вѣдь, что выбито золотыми буквами на лѣтописи, записавшей этотъ случай.

Цѣлое море воспоминаній подхватываетъ каждого, смотрящаго въ даль русскаго прошлаго. Все оно проникнуто духомъ могучаго Царя, и, когда насъ теперь уже озаряетъ свѣтъ исторіи, мы, вспоминая этотъ подвигъ Петра, начинаемъ объяснять себѣ тайну, почему геніальный Царь такъ много добра и славы стяжалъ породившей его землѣ, почему оказалъ такое мощное вліяніе на ея историческіе пути, почему онъ такъ тѣсно связалъ свое имя съ Русской Землей. Сквозь сумракъ этой сѣдой дали виднѣются очертанія креста Христова, которому обрекъ себя Петръ съ ранняго дѣтства. Въ самомъ дѣлѣ, что встрѣтилъ Петръ, принимая Русь въ свое управленіе? Отвѣчаю словами историка: «Застой, косность, малочисленность интересовъ, которые поднимаютъ человѣка надъ мелочами жизни, очищаютъ нравственную атмосферу, даютъ человѣку необходимый отдыхъ, уравниваютъ его силы, восстанавливаютъ ихъ, однимъ словомъ — недостатокъ просвѣщенія. Отсюда господство матеріальныхъ стремленій, матеріальныхъ взглядовъ во всѣхъ областяхъ жизни, даже въ своей родной семьѣ; какъ пророкъ Божій, онъ понялъ, что допусти все это, и Русь по-

гибнуть, а Господь съ него, Царя, спросить. И онъ принялся лечить Русь, и, гдѣ не брало лекарство, пускалъ въ ходъ желѣзо. Онъ понималъ, что онъ Божій слуга и что онъ не безъ ума мечъ носить.

Широки были бороды святорусскихъ людей, но еще шире была ихъ лѣни и пороки, и онъ принялся стричь ихъ бороды, чтобы русскіе люди не прикрывали ими своей лѣни и пороковъ. Уважаема была старина, высоки были шапки, длинны были кафтаны бархатные, но они прикрывали часто головы своевольныя, дерзкія желанія мутить русскую воду, и—Петръ обивалъ шапки высокія, рѣзалъ полы кафтановъ длиннополыхъ, а съ шапками и кафтанами сѣкъ буйныя головы, забивалъ въ колодки непутевыя ноги своевольныхъ стрѣльцовъ. А чтобы не поѣдали русское тѣло враги, онъ создалъ армію, флоты, завоевывалъ крѣпости. Онъ самъ вездѣ былъ: то мореплаватель, то плотникъ—вѣковѣчный работникъ. О, трудна была служба этого Божьяго слуги. Отверженіе отъ себя, работа на благо другихъ—крестъ,—вотъ, вѣдь, въ какой символъ все это можно заключить. И недаромъ, спасенный отъ бури на Бѣломъ морѣ, онъ ставитъ крестъ своего Спасителя, какъ символъ тѣхъ подвиговъ, которые и ему приходится переносить въ своей великой жизненной русской бурѣ. Недаромъ на Кавказѣ, въ средніе годы своего царствованія, онъ закладываетъ крѣпость и называетъ крѣпостью креста. Недаромъ, взявши Выборгъ, онъ въ савтанѣ, на скалѣ высѣкаетъ могучею рукою крестъ и букву «П». А какія думы скрывались въ душѣ Императора, когда онъ чертилъ эти инициалы, это знаетъ Тотъ Сердцевѣдецъ, Который еще раньше его несъ Свой голгоетскій крестъ.

Одно, очевидно, было понятно душѣ Царя, что, кто хочетъ идти по Христу, отвергнется себя, возьметъ крестъ свой и пойдетъ за Нимъ, и онъ съ любовію несъ, въ подраженіе Ему, Царю царей, свой крестъ русскаго царя, пока, тоже въ подраженіе Ему, не закончилъ свою жизнь подвигомъ любви тоже къ ближнему. И когда сегодня неслась къ Превѣчному великая жертва Евхаристіи, жертва нашей любви, за упокой души Императора Петра, мнѣ чудились его царскія очи, глядѣвшія на насъ, слышались его слова, когда-то говоренныя одному изъ его подвижниковъ: «видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того, чтобы показать вамъ примѣръ и, хотя подъ старость, видѣть достойныхъ помощниковъ и слугъ отечества. Я вамъ отъ Бога приставникъ, а должность моя, чтобы недостойному не дать, а отъ достойнаго не отнять; буде хорошъ

будеши, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству, добро сдѣлаешь; а буде худъ, такъ я истецъ, ибо Богъ того отъ меня за васъ всѣхъ востребуетъ, чтобы злomu и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою— въ началѣ Богъ, а по Немъ и я долженъ не оставить тебя». И не въ этомъ ли ясномъ сознаниіи своего долга коренится любовь Царя къ породившей его землѣ и объясненіе того, что русское государство, готовое разложиться, проснулось, страхнуло лѣнь неиробудную, принялось лечиться лекарствами, указанными ея великимъ лекаремъ? Одинъ современникъ Петра, прочтя о смерти его, пишетъ: «я омочилъ эту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ Государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ. Сей Монархъ Отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди: однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть, и, что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». Другой приближенный Петра говоритъ: «если-бы когда нибудь случилось философу разбирать архивъ тайныхъ дѣлъ его, вострещалъ бы отъ ужаса, что содѣловалось противъ сего Монарха. Мы, бывшіе сего великаго Монарха слуги, вздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки его жестокосердію, котораго у него не было. Когда-бы многіе знали, что претерпѣвалъ онъ и какъ онъ былъ уязвляемъ горестями, то ужаснулся бы, колико онъ снисходилъ къ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, не заслуживающія милосердія; и хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его живетъ въ душахъ нашихъ, и мы, имѣвшіе счастье находиться при семъ Монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь къ нему погребемъ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ Отцѣ нашемъ, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него. О, вѣчная наша память!»

Итакъ, слушатели христіане, помянувъ сегодня, въ 200-лѣтній юбилей взятія Петромъ I-мъ города Выборга, дни древніе — дни его жизни, подвиговъ и трудовъ на благо другихъ, поучимся у него вѣрѣ въ Бога, надеждѣ на Него и любви къ родинѣ и ближнему. Онъ былъ истинный христіанинъ. При началѣ всякаго дѣла и въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни онъ прибѣгалъ къ Господу Богу съ молитвою о помощи и всю надежду возлагалъ на Него. Онъ всею душою любилъ возродившую его землю и ближняго, любилъ до самопожертвованія. Онъ, не думая о себѣ и не щадя своей жизни, какъ вы слышали, первый бросается въ воду, чтобы только спасти погибавшихъ.

Будемъ твердо помнить и свято исполнять его завѣтъ: «служи вѣрою и правдою», памятуя, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба, не пропадаетъ. Аминь».

По окончаніи литургіи, изъ Гарнизонной церкви направился величественный крестный ходъ на Петровскую гору, мѣсто стоянки Императора Петра I-го, для закладки военного собора во имя Христа Спасителя и св. Алексѣя Митрополита Московскаго и для открытія памятника Царю, завоевателю Выборга, Петру I-му. Лѣсъ хоругвий окуталъ сонмъ духовенства и многочисленныхъ депутацій, несшихъ свои иконы; шелъ архимандритъ съ Евангелиемъ, О. Протопресвитеръ съ крестомъ, епископы и архіепископъ, за ними Военный Министръ, генераль губернаторъ и др. начальствующія лица.

По прибытіи къ мѣсту закладки, подъ стѣнью часовни, построенной на этомъ мѣстѣ, и по прочтеніи протодіакономъ закладной доски о сооруженіи собора, архіепископъ окропилъ мѣсто св. водой и первый положилъ камень, а за нимъ Военный Министръ, представляющій Особу Государа Императора, генераль-губернаторъ, комендатъ крѣпости, О. Протопресвитеръ и другія начальствующія лица, а также и крѣпостное духовенство. Послѣ этого комендатъ принималъ депутаціи и подносимыя ими для военного собора иконы. Первымъ привѣтствовалъ и поднесъ икону Нерукотвореннаго Спаса архіепископъ Сергій. Онъ же представилъ и депутаціи отъ подвѣдомственныхъ ему монастырей—Валаамскаго и Коневскаго, которые поднесли иконы отъ своихъ обителей. Ктиторъ церкви 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка поручикъ Савельевъ, поднося Тихвинскую икону Богоматери въ благословеніе на благополучное окончаніе сооружаемаго собора, произнесъ краткую патріотическую рѣчь, вызвавшую слезы умиленія у всѣхъ присутствующихъ. Поднесли иконы также депутаціи отъ Корельскаго Братства и многія общества во главѣ съ своими предсѣдателями, послѣ чего было возглашено царское многолѣтіе, и крестный ходъ направился въ противоположную сторону Петровской горы, къ величественному памятнику Петра I-го, сооруженному на личныя средства Государа Императора. Наступила торжественная минута. Плавно произносится вѣчная память Императору Петру I-му, спадаетъ завѣса съ памятника, взвивается Императорскій Штандартъ,—и глазамъ присутствующихъ предстала дивная статуя Царственнаго Вождя, опершагося на пушку и своимъ орлинымъ взоромъ смотрящаго на расположенный внизу разукрашенный шлосъ и городъ. Стройно несется пѣніе

вѣчной памяти, всѣ присутствующіе благоговѣнно опускаются на колѣна, а съ фортовъ и судовъ гремитъ могучая канонада пушечныхъ выстрѣловъ, при колокольномъ звонѣ Выборгскихъ православныхъ храмовъ. Моментъ былъ до такой степени величественъ, что многіе, даже изъ боевыхъ генераловъ, прослезились отъ охватившаго ихъ восторга.

По прекращеніи салюта, высокопр. Сергій окропилъ памятникъ св. водой, а протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Святѣйшему Синоду, присутствующимъ архипастырямъ, Протопресвитеру, христіолюбивому воинству и всѣмъ вѣрноподаннымъ. По пролѣтѣи многолѣтія крестный ходъ удалился, а у памятника начался приѣмъ депутацій съ возложеніемъ вѣнковъ.

По командѣ «смирно», «ружья на краулъ», началось чтеніе ген.-губернаторомъ Высочайшаго рескрипта, заключительныя слова котораго: «въ нынѣшній достопамятный день 200-лѣтней годовщины вступленія Великаго Петра, во главѣ побѣдоносныхъ російскихъ войскъ, въ покоренный Выборгъ, Мы, благоговѣнно памятуя дѣянія вѣнценоснаго предка Нашего, съ глубокою признательностью вспоминаемъ подвиги и тяжкіе труды русскаго воинства, доблестно послужившаго Царю и Отечеству на бранномъ полѣ, и твердо уповаемъ, что подвиги сіи не перестанутъ вдохновлять всѣхъ вѣрныхъ сыновъ великой Россіи на самоотверженное служеніе благу и славѣ единого и нераздѣльнаго Россійскаго Государства» покрылись несмолкаемымъ могучимъ «ура» войскъ, народа, и звуками народнаго гимна. Послѣ этого войска съ депутатами отъ частей, принимавшихъ участіе во взятіи Выборга, впереди, подъ командой коменданта крѣпости, лихо прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ памятникомъ, у котораго стоялъ военный министръ.

По окончаніи церемоніи всѣмъ начальствующимъ лицамъ, депутатамъ, представителямъ, служившему духовенству и г.г. офицерамъ былъ предложенъ въ зданіи временъ Императрицы Анны Іоанновны, украшенномъ картинами изъ исторіи взятія Выборга, завтракъ, послѣ котораго О. Протопресвитеръ, простившись съ архіереями и военнымъ высшимъ начальствомъ, изволилъ посѣтить церковь 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, при входѣ въ которую былъ привѣтствованъ рѣчью мѣстнаго священника, встрѣтившаго его въ облаченіи съ св. крестомъ и водою. Приложившись къ престолу, О. Протопресвитеръ, въ епитрахили и съ св. крестомъ, обратился съ краткою рѣчью къ г.г. начальствующимъ и нижнимъ чинамъ, въ которой выяснилъ смыслъ и значеніе отпразднованнаго юбилея не какъ только минувшаго факта, но и какъ событія, напоминающаго всѣмъ русскимъ гражда-

намъ и, особенно, военнымъ о беззавѣтной любви къ вѣрѣ, къ Царю и Отечеству,—о томъ истинномъ патриотизмѣ, который служитъ источникомъ несокрушимой силы православныхъ христіанъ, когда боевой часъ призываетъ ихъ на бранное поле сражаться «за Крестъ Честный, за свободу златну»... Присутствующіе внимательно слушали одушевленное слово своего духовного вождя и потомъ благоговѣнно прикладывались къ св. кресту и были окропляемы св. водою.

Въ виду скорого отъѣзда на вокзалъ, о. Протопресвитеръ, разставаясь съ своей паствой, могъ только вкороткѣ подѣлиться съ нею нѣкоторыми думами и чувствами, навѣянными пережитымъ юбилеемъ и торжественной встрѣчей, оказанной высокому посѣтителю 7 Финл. стрѣлк. полкомъ. Среди разставленныхъ шпалерами нижнихъ чиновъ, напутствуемый лучшими пожеланіями, онъ спѣшилъ на станцію, откуда, простившись съ провожавшимъ его военнымъ духовенствомъ, въ 7 час. вечера отбылъ въ С.-Петербургъ.

Выборгской гарнизонной Петропавловской церкви свящ. Іоаннъ *Николаевскій*.



Единое и совершеннѣйшее начало человѣческой жизни.

«Основанія иного никтоже можетъ положить паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ (1 Кор. 3, 11), и нсть ни о единомъ же иномъ спасенія: нсть бо иного имене подѣ небесемъ, даннаго въ человѣчьхъ, о немже подобаетъ спастися намъ» (Дѣян. 4, 11-12).

Непредубѣжденный умъ и неиспорченное сердце признаютъ за несомнѣнную истину, что человѣческая жизнь во всѣхъ ея стремленіяхъ и задачахъ должна быть основана на началахъ христіанскихъ. Христіанская вѣра имѣетъ цѣлю спасеніе человѣка; поэтому, только она созидаетъ какъ блаженство будущей жизни, такъ и счастье настоящей, давая прочныя основы человѣческой дѣятельности—личной, семейной и общественной.

Иначе учить современная мудрость. Она ожидаетъ всего истинно-добраго не отъ Бога, бытіе Котораго отрицаетъ, а отъ широкаго развитія человѣческаго ума. По современному, господствующему понятію, умъ человѣческій не только проникаетъ въ глубину тайниковъ природы, покоряетъ силы ея человѣку и заставляетъ ихъ служить ему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ есть высшее и единственное начало и всей духовной жизни человѣчества. Теперь утвердительно говорятъ, что съ развитіемъ сознанія, которое дается воспитаніемъ и наукой, необходимо должна возвышаться и наша нравственная жизнь.

Что-же? Не устарѣли ли, въ самомъ дѣлѣ, христіанскія начала жизни для нашего времени и не блещитъ ли свѣтъ нынѣшняго разума ярче и сильнѣе свѣта христіанской истины?

Кто съ серьезнымъ вниманіемъ и трезвымъ сознаніемъ разсмотритъ современное направленіе и отношеніе человѣческой мысли къ христіанской истинѣ, тотъ не можетъ не замѣтить, что оно вовсе не имѣетъ такого достоинства, чтобы истинный христіанинъ ради него сталъ колебаться въ своей вѣрѣ или измѣнять ей. Современный умъ проповѣдуетъ не такую мудрость, которая бы въ чемъ нибудь превосходила исповѣдуемое нами ученіе Христова или которая бы обѣщала намъ блага, высшія тѣхъ, какія даровалъ уже и еще обѣщаль даровать Господь Спаситель.

Во всѣ вѣка, начиная съ момента появленія человѣка на землѣ и до конца существованія міра, жизнь человѣческая представляла, представляетъ и будетъ представлять вѣковѣчные тождественные вопросы о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Уясненіе ихъ всегда было завѣтной цѣлью стремленій человѣческаго духа.

Но много ли человѣческая мысль успѣла на протяженіи цѣлыхъ тысячелѣтій въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ? Ни на одинъ изъ нихъ, въ лицѣ даже лучшихъ своихъ представителей, она не даетъ яснаго и точнаго отвѣта. Она то обоготворяетъ человѣка, то даетъ ему тѣсную рамку животной жизни, отнимая надежду на безсмертіе, а если и даетъ ее, то съ уничтоженіемъ личнаго бытія.

Давно ли, напр., знаменитую теорію о происхожденіи видовъ, надѣлавшую столько шума въ ученomъ мірѣ, провозглашали, какъ непогрѣшимую истину и въ силу этого ученія бытіе человѣка производили отъ животнаго, вопреки библейскому ученію о созданіи человѣка по образу и по подобию Божію? Но, вотъ, сами же ученые недавно объявили эту теорію несостоятель-

ною предъ судомъ здоровой науки, чего и слѣдовало, разумѣется, ожидать.

Не мудрено, что вмѣсто этого мрачнаго ученія явится другое, еще болѣе мрачное, которое еще съ большей самоувѣренностію будетъ подкапываться подъ зданіе христіанской истины; но потомъ сама же наука, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, назоветъ эту теорію легучей ошибкой времени, переходной ступенію развитія человѣческой мысли. Не можетъ иначе и быть, потому что наукѣ усваивается то, чего въ ней нѣтъ и чего она по своему существу имѣть не можетъ.

Ограниченному ли разуму вести человѣка къ истинѣ, когда онъ и въ области естественной жизни, если приходится ему спускаться дальше ближайшей поверхности, колеблется сомнѣніями, терается въ догадкахъ и предположеніяхъ? Если наука есть единственное руководительное начало духовной жизни, то она, необходимо, должна сообщать людямъ умственную и нравственную силу, или, лучше сказать, самый умъ и свободу. Но обязанная своимъ существованіемъ уже готовой силѣ ума, она безсильна для такой творческой дѣятельности. Напрасно усиленное стараніе врача продолжить тѣлесную жизнь человѣка, когда внутреннее начало этой жизни уже оскудѣло; безплодна также надежда помощію науки возвратить каждому человѣку тотъ чистый умъ, какимъ одаренъ былъ первый человѣкъ. Наука предлагаетъ человѣку свѣдѣнія, содѣйствуетъ скорѣйшему развитію его личныхъ способностей, но она не сообщаетъ, по выраженію апостола, *«духа ума»* (Ефес. 4, 23), самой силы ума, той трезвой, проницательной способности, которую желаютъ и должны имѣть люди, чтобы идти къ истинѣ. Не наука, такимъ образомъ, даетъ человѣку истинное просвѣщеніе. Но гдѣ же живой источникъ его?

«Во свѣтъ Твоемъ, Господи, узримъ свѣтъ!»! *«Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всякаго человека, градущаго въ міръ»*. Источникъ нашего просвѣщенія, слѣдовательно, заключается въ Божественномъ Откровеніи и только въ немъ одномъ.

Въ Божественномъ Откровеніи всѣ высшія требованія ума находятъ себѣ самое полное удовлетвореніе, а для завѣтныхъ стремленій сердца предлагаются блага, даже превышающія его чаянія. Мы знаемъ это Божественное ученіе. Не безпричиннымъ и безцѣльнымъ собраніемъ существъ представляетъ оно намъ окружающую насъ міръ, а твореніемъ всемогущаго и премудраго Бога, созданнымъ для воспитанія въ немъ разумно-свободной души человѣка. Не по механически неизмѣннымъ законамъ совершаются и

смѣняются въ немъ многоразличныя событія и явленія, а по волѣ Творца міра располагаются они. Не произведеніемъ прогресса природы изображаетъ намъ человѣка ученіе Евангельское, а непосредственнымъ созданіемъ Бога. Не для смерти и тлѣнія живетъ человѣкъ на землѣ, а какъ сынъ неба, какъ обладатель свободы, предназначенъ воспитывать себя здѣсь для небеснаго отечества, въ которомъ и будетъ жить вѣчно. Наконецъ, и великій вопросъ—о борьбѣ въ человѣкѣ добра и зла, о средствахъ къ избавленію его отъ этой борьбы и къ доставленію побѣды надъ зломъ,—самымъ успокоительнымъ для разума и сердца образомъ рѣшается только въ ученіи христіанскомъ. Оно возвѣщаетъ намъ, что начало этой борьбы положено самимъ человѣкомъ въ злоупотребленіи богодарованной ему свободы, что избавиться отъ этой борьбы собственными силами человѣкъ не можетъ, что для побѣды надъ зломъ ему нужна помощь высшая, Божественная. Оно увѣряетъ, что помощь эта уже и дарована человѣку отъ Бога, что она исходатайствована ему страданіями и крестною смертію Іисуса Христа и что человѣку для избавленія отъ зла остается теперь только открывать свое сердце вѣрою и любовью къ Искушителю для принятія этой помощи. И не просто увѣряетъ насъ въ этомъ христіанское ученіе, а и на дѣлѣ представляетъ намъ уже цѣлыя сонмы людей, которые побѣдили въ себѣ зло и содѣлались участниками безконечнаго блаженства на небѣ. Что можетъ быть успокоительнѣе и отраднѣе такого ученія? Можетъ ли что нибудь и когда нибудь подобное сказать и представить наука человѣческая?

Въ Божественномъ Откровеніи, скажетъ земная мудрость, много темнаго, тайнаго? Соглашаясь съ положеніемъ новыхъ ученій о недоступности нашему естественному разуму полнаго постиженія истинъ сверхчувственныхъ, мы никакъ не можемъ, однако, представить себѣ, какимъ же образомъ устроится наша жизнь безъ этихъ истинъ. Что она не устроится безъ такого или другого рѣшенія этихъ вопросовъ,—это уже видно изъ самаго стремленія человѣческаго ума создать свое рѣшеніе ихъ. Но что онъ можетъ дать кромѣ отрицанія? А отрицаніе—не удовлетворительный отвѣтъ. Христіанское же Откровеніе, сообщая тайны, указало намъ къ принятію ихъ и способъ, при которомъ онѣ легко усвоятся. Это—вѣра. Она—не продуктъ воспитанія, не предубѣжденіе, какъ полагаетъ современное отрицательное ученіе, но, по выраженію одного подвижника, есть умное око души, внутреннее достоинство разума. При томъ же, внушая вѣру, Откровеніе не только не стѣсняетъ дѣятельности разума, но, напротивъ, высоко

цѣнить всякую разумную жизнь. Само же оно заповѣдуетъ трудъ умственнаго образованія, когда въ разумѣ человѣческомъ указываетъ черту Богоподобія, когда учитъ насъ внимать себѣ (Тим. 4. 16), когда свидѣтельствуесть о возможности познанія Бога изъ природы, и, наконецъ, когда прямо говоритъ: *«вся искушающе, добрая держите»* (1 Сол. 5, 20), или: *«не дѣти бывайте умомъ»* (1 Кор. 14, 20). Нерѣдко, правда, нашъ разумъ, вмѣсто того, чтобы внимать вѣрѣ, *«яко свѣтильнику въ темномъ мѣстѣ сіяюще»* (2 Пет. 1, 19), не уживается съ нею и занимается на разумъ Божій (2 Кор. 10, 5). Но это уже есть результатъ ослѣпленія ума достигнутыми успѣхами знанія. Обогативъ себя ими, человѣческій умъ забываетъ свою природную бѣдность и ищетъ себѣ уже какъ бы права не вѣрить тому, что только въ свѣтѣ Божіемъ можно видѣть свѣтъ. А отсюда, къ посягательству на тайны религіи для ума открывается широкая дорога. Необходимо, значить, покорять разумъ въ послушаніе Христовой вѣрѣ, воспитывать его въ ней, направляя по указанію того Свѣта, Который съ неба сошелъ на землю для просвѣщенія человѣка.

Современное понятіе о наукѣ, какъ единственной основѣ духовной человѣческой жизни, не оправдывается и по отношенію къ нравственной дѣятельности. Человѣкъ, у котораго умъ не опутанъ паутиною отрицательныхъ идей, не можетъ не сознавать того, что онъ есть существо не только разумное, но и нравственное, что въ его природѣ существуютъ нравственныя потребности и есть непреодолимое стремленіе къ развитію ихъ. Если наука есть единственное дѣятельное начало человѣческой жизни, то какимъ образомъ могла она выработать нравственныя понятія и присвоить ихъ человѣку, если бы они не имѣли основы въ нравственной идеѣ, лежащей въ глубинѣ человѣческаго духа? Какимъ образомъ умственное развитіе могло довести человѣка до нравственнаго сознанія, если бы этого сознанія не существовало въ немъ помимо этого развитія?

Такимъ творчествомъ наука не обладаетъ. Никакое развитіе не вноситъ въ природу человѣка ничего новаго, ничего такого, чего бы не существовало въ ней; оно только вызываетъ наружу то, что есть въ человѣкѣ и помогаетъ тому развиваться. Нравственныя понятія, которыя, по современному отрицательному ученію, вырабатываются въ челоѣчествѣ сами собою, вслѣдъ за развитіемъ науки, могутъ быть истинными, чистыми, хотя и этого нельзя допустить безусловно. Но эти понятія осуществляются въ жизни только тогда, когда душа свободна отъ наклонностей къ злу,

которыя приобрѣтаются незамѣтно для нашего сознанія и которыя, какъ терніе, заглушаютъ сѣмя добра. Гдѣ же эта безстрастная, разумно-свободная воображаемая жизнь?

Мы знаемъ, что добрыя начала воспитанія часто уступаютъ вліянію зла; часто слышимъ жалобы на то, что такъ называемая среда сгубила свѣжія здоровыя силы того или другого лица. Руководясь словомъ Божиимъ, мы должны признать, что въ своей нравственности виновны и мы сами, и другіе—ближніе наши. Но почему же наука не отыщетъ средствъ для устраненія этой печальной дѣйствительности? Оттого, что и это внѣ ея силы. Намъ извѣстно признаніе св. апостола, что испытанная имъ борьба добраго сознанія, добраго желанія съ грѣховнымъ влеченіемъ окончилась побѣдною только при содѣйствіи благодати Божіей, даруемой по вѣрѣ въ Иисуса Христа (Римл. 7, 15—21). Къ тому же убѣжденію долженъ привести и безпристрастный взглядъ на современную жизнь. При всѣхъ успѣхахъ науки, зло, свойственное поврежденной человѣческой природѣ, не теряетъ своей силы среди людей. И словесно и письменно выясняются въ настоящее время нравственныя понятія, обличаются пороки. Но торжествуетъ ли чрезъ это добро? Зло, правда, теперь не такъ дерзко заявляетъ о своемъ безобразіи, но не ошибемся, если скажемъ, что оно скрывается лишь только для того, чтобы не обличились дѣла тьмы. Послѣдствіемъ такихъ обличеній можетъ образоваться, какъ и дѣйствительно образуется, безукоризненная жизнь, не виновная предъ судомъ гражданскимъ и общества, но не правая предъ судомъ совѣсти. Есть и добродѣтели у такихъ людей; ихъ можно перечислить, какъ это дѣлали фарисеи, но нѣтъ въ душѣ ихъ источника доброй, истинно-нравственной жизни.

Современное образованное общество много говоритъ о такъ называемой гуманности взаимныхъ отношеній; это, говорятъ, необходимое условіе образованнаго человѣка. Но уменьшилось ли теперь число бѣдныхъ людей? Скоро ли отзывается теперь человѣчество на просьбы о помощи, когда приходится эту помощь оказывать добровольно, тайно, безъ разчета на прославленіе и выгоды? Не мало есть благотворителей, но мало и очень мало людей съ искренне любящей душой, которые постоянно и всѣмъ готовы служить словомъ и дѣломъ, не ища *своихъ си* (1 Кор. 13, 5) и никогда не предъявляя своихъ правъ на уваженіе и благодарность. Удивительно ли послѣ этого, что современный человѣкъ чувствуетъ въ себѣ скудость душевной жизни? Это ли полная жизнь души человѣка? Если не въ наукѣ,

то гдѣ же путь къ нравственному усовершенствованію? И здѣсь «*основанія иного никтоже можетъ положить паче лежащаго, ежесть Иисусъ Христосъ*» (1 Кор. 3, 11). «*Якоже пріясте Христа Иисуса Господа, такожде въ Немъ ходите*» (Кол. 2, 6).

«Живымъ союзомъ вѣры и любви соединяя души людей съ источникомъ всего истиннаго, добраго и святаго», говоритъ извѣстный отечественный богословъ¹⁾, «святая религія христіанская проливаетъ свѣтъ истины, добра и правды во всѣ сферы человѣческой жизни и дѣятельности, и не только представляетъ высокія правила и образцы нравственнаго совершенства, но и даетъ самыя благодатныя силы къ осуществленію ихъ, къ борьбѣ съ собою, къ побѣдѣ надъ злыми навыками и страстями. Читайте Евангеліе, читайте внимательнѣе Св. Писаніе, глубже вникайте въ духъ и смыслъ его—не однимъ умомъ, а живымъ участіемъ всѣхъ духовныхъ силъ, и вы найдете здѣсь полноту безконечно высокихъ нравственныхъ идеаловъ и живое воплощеніе всѣхъ ихъ въ Божественной Личности нашего Искупителя. Читайте исторію Церкви, читайте жизнеописаніе св. людей—и здѣсь вы увидите множество примѣровъ тому, какъ св. христіанская вѣра, при самыхъ неблагопріятныхъ нравственныхъ условіяхъ окружающей среды, среди самаго глубокаго невѣжества и разврата общественнаго, умѣла всегда воспитывать и возвышать, до невѣроятной почти для человѣка естественнаго нравственной высоты, цѣлыя тысячи людей различныхъ половъ, возрастовъ и состояній общественныхъ; увидите, какъ цѣлые народы изъ состоянія грубаго и дикаго возвышены христіанствомъ на высокую степень прогресса и цивилизаціи до того, что теперь самое понятіе о народѣ цивилизованномъ почти всегда соединено у насъ съ понятіемъ о народѣ, просвѣщенномъ христіанствомъ; увидите, какъ въ цѣломъ человѣчествѣ во всей его исторіи самый строй нравственныхъ понятій и отношеній видимымъ образомъ измѣнялся, возвышался, облагораживался по мѣрѣ того, какъ христіанскія начала проникали въ жизнь человѣчества. Всматривайтесь внимательнѣе въ жизнь хорошихъ добрыхъ христіанскихъ семействъ и личностей,—только не лицемѣрно и не суевѣрно христіанскихъ, а такихъ, въ которыхъ св. вѣра служитъ не однимъ внѣшнимъ покровомъ, а глубокой основой и дѣятельнымъ началомъ всей жизни, въ которыхъ теплота религіознаго чувства соединяется съ твердымъ разумнымъ пониманіемъ самыхъ христіанскихъ от-

1) Иванцевъ-Платоновъ.

ношеній,—замѣчайте, чѣмъ различается жизнь такихъ людей отъ другихъ, которые живутъ не по духу Христову, и вы увидите, что христіанская вѣра не перестаетъ и въ настоящее время дѣйствовать благотворно на души и сердца людей, въ томъ же самомъ обществѣ, при тѣхъ же самыхъ нравственныхъ условіяхъ, проводя глубокое различіе между чадами міра и чадами Христовыми. Наконецъ, держитесь, сколько возможно, ближе общенія съ св. Церковію, пользуйтесь обильнѣе и чистосердечнѣе тѣми благотворными средствами нравственнаго преуспѣянія, которыя предлагаетъ она въ своемъ ученіи, въ своемъ богослуженіи, преимущественно—въ св. таинствахъ,—и вы въ себѣ самихъ, въ своей собственной жизни, увидите благодатную силу Божію, собирающую нравственныя немощи человѣческія».

Итакъ, и нравственная наша жизнь должна развиваться на началахъ христіанскихъ.

Въ настоящее время мы ревностно заботимся объ улучшеніи гражданскаго быта, а потому, умственное и нравственное прсвѣщеніе хотимъ сочетать и выразить и въ жизни общественной. Но и здѣсь ничто не можетъ быть благотворнѣе свѣта Евангельской истины. Указавъ во власти царя власть Божію и возвѣстивъ царямъ, что ихъ подданные наравнѣ съ ними—люди и дѣти Отца и Царя Небеснаго, христіанство опредѣлило и осватило отношенія между властію и подданными—отношенія справедливости, милосердія, попечительности и любви со стороны первой,—благодарнаго повиновенія, преданности и любви со стороны послѣднихъ. Выше и благотѣльнѣе этихъ отношеній ничего не можетъ и быть. Высоко христіанское государство по силѣ тѣхъ отношеній членовъ его другъ къ другу, какія опредѣляетъ законъ Христовъ своими началами дѣятельности. Внушая каждому и къ каждому любовь, христіанская вѣра предлагаетъ этимъ обильный источникъ къ преуспѣянію въ общественной жизни. Только при началѣ Христовой любви каждый можетъ усердно выполнять обязанности возложеннаго на него званія, направлять все къ общему благу,—все дѣйствія и начинанія наши могутъ запечатлѣться характеромъ общаго блага, и это—безъ насилія и притѣненія слабаго сильнымъ, безъ презрѣнія и отверженія человѣческихъ правъ каждаго. Въ христіанствѣ, по истинѣ, каждому свое. Христіанству принадлежитъ, и только ему, истинная свобода, такъ нами желаемая, ибо во Христвѣ—мы братья, а гдѣ духъ Христовъ, тамъ и свобода.

«Къ свободу призваны вы, говоритъ ап. Павелъ, только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти: но любовію служите другъ другу» (Гал. 5, 13).

«Христе, свѣте истинный, просвѣщаяй и освящаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, да знаменается на насъ свѣтъ Лица Твоего, да въ Немъ узримъ свѣтъ непреступный, и исправи стопы наша къ дѣланію заповѣдей Твоихъ».

Священникъ 1-го гусарскаго Сумскаго полка Аѳанасій *Лепорскій*.

Торжественное богослуженіе въ домово́й церкви О. Протопресвитера 7-го іюня 1910 года.

Какъ ни однообразно течетъ людская жизнь, но бываютъ въ ней исключительные моменты, такіе дни и часы, которые оставляютъ въ памяти глубокой слѣдъ, возбуждаютъ раздумье и полагаютъ неизгладимый отпечатокъ на человѣческую душу.

Такимъ днемъ для военнаго столичнаго духовенства было 7-е іюня текущаго года, праздникъ Св. Духа. Этому дню суждено было запечатлѣться надолго въ сердцахъ многихъ военныхъ пастырей, участвовавшихъ въ богослуженіяхъ, совершавшихся въ домово́й церкви О. Протопресвитера. Какъ въ древней «сіонской горницѣ» въ приснопамятный день сошествія Св. Духа пребывающіе въ молитвѣ св. апостолы получили великій даръ для прохожденія своего высокаго служенія, такъ собранные въ этомъ святомъ храмѣ военные пастыри, исповѣдуя предъ Богомъ свои сердечныя чувства, молились объ упокоеніи въ селеніяхъ праведныхъ усопшаго вождя своего и испрашивали благословеніе Божіе на прохожденіе своего служенія подь новымъ руководствомъ.

Побужденіемъ къ этому служили: сороковой день со дня кончины незабвеннаго протопресвитера Александра Алексѣевича Желобовскаго и вступленіе въ должность новаго — Евгенія Петровича Аквилонова.

Въ 10 часовъ утра началось служеніе торжественной заупокойной литургии, совершенной настоятелемъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора

протоіереевъ І. А. Философовымъ въ сослуженіи протоіереевъ Н. Г. Кедринскаго, П. В. Троицкаго, Ѳ. А. Боголюбова, — священниковъ: А. П. Казанскаго, В. П. Бондырева, при протодіаконахъ В. М. Скобниковъ и С. І. Деминъ. Пѣлъ чудный хоръ О. Протопресвитера, подъ управленіемъ А. П. Рождественскаго. Праздничная служба и приуроченныя къ ней моленія собрали въ храмъ многочисленное общество прихожанъ, духовныхъ чадъ и почитателей покойнаго и здравствующаго Протопресвитера и почти все столичное военное духовенство. Церковь была полна молящихся.

По окончаніи торжественно совершенной литургіи, собравшееся духовенство во главѣ съ Протопресвитеромъ Е. П. Аквилоннымъ вышло на средину храма для совершенія панихиды по усопшемъ протопресвитерѣ Александрѣ.

Длинная лента священнослужителей въ форменныхъ зеленого цвѣта облаченіяхъ, среди украшеннаго зелеными вѣтвями храма, при полномъ его освѣщеніи, представляла благолѣпную картину. Благоговѣнно-чинное совершеніе панихиднаго моленія, обстановка храма, среди которой такъ часто приходилось видѣть покойнаго вождя и начальника, художественное пѣніе хора поднимали молитвенное настроеніе, воскрешали въ душѣ образъ почившаго. Чувствовалось, что душа покойнаго витала здѣсь же, среди дорогой ему обстановки храма, любимаго и любившаго его духовенства.

При провозглашеніи вѣчной памяти почившему протопресвитеру священнослужащіе и присутствующіе преклонили колѣна душъ и сердець своихъ съ трогательной и сердечной молитвой. Отданъ былъ послѣдній долгъ. Осязательно чувствовалось, что съ этого именно момента наступаетъ другой періодъ общественной служебной дѣятельности военнаго духовенства подъ начальствомъ и руководствомъ новаго вождя. Мысли невольно стремились къ разъясненію невѣдомаго будущаго, сердца обращались къ подателю всякаго блага—Господу. Лучшимъ выраженіемъ этихъ чувствъ могло быть несомнѣнно молебное пѣніе Творцу, которое и совершенно было всѣмъ сонмомъ военнаго духовенства по случаю вступленія въ должность его новаго вождя и руководителя. Служилъ самъ О. Протопресвитеръ. Ему сослужили: митрофорные протоіереи: А. А. Ставровскій, І. А. Философовъ, С. А. Голубевъ, Н. Н. Кодратовъ, Н. А. Каллистовъ, І. Ф. Сперанскій, до сорока протоіереевъ и священниковъ военныхъ церквей, при двухъ протодіаконахъ и 15-ти діаконахъ. Горячо молилась собравшаяся семья военнаго духовенства и самъ О. Протопресвитеръ, предъ взоромъ

котораго открывалось поприще, полное труда и тревогъ, которому вручена Богомъ высокая миссія быть первымъ пастыремъ христілюбиваго воинства и руководителемъ пастырей.

Такія мысли и чувства были высказаны О. Протопресвитеромъ по окончаніи молебна въ вступительной рѣчи, приковавшей вниманіе всѣхъ.

Мы, конечно, не компетентны дѣлать тѣ или другіе отзывы о рѣчи О. Протопресвитера и можемъ сказать только то, что въ моментъ произнесенія ея переживало наше сердце. Голосъ сердца слишкомъ звучалъ, чтобы можно было его выразить, и мы, не обинуясь, скажемъ, что испытываемыя военными пастырями чувства были именно чувства радости, надежды, одобренія и полной увѣренности въ свѣтломъ для военнаго духовенства будущемъ.

Сравнивая положеніе свое съ положеніемъ пророка Елисея тотчасъ по взятіи на небо пророка Іліи, О. Протопресвитеръ просилъ у почившаго своего предшественника и отца военнаго пастырства хоть частицу той милоти, которую тотъ имѣлъ и которая давала успѣхъ его дѣламъ; указывая на свѣтлое будущее Русской церкви и Россійской державы, О. Протопресвитеръ призывалъ духовенство къ единомудушному служенію, свободному отъ мертвой рутинны; увѣщевалъ быть стойкимъ въ правой борьбѣ, говорить правду, не взирая на лица человѣковъ, общая съ своей стороны полную поддержку тамъ, гдѣ встрѣчаются милость и истина, лобызаются миръ и правда.

Жизненность и новизна сказаннаго не могли не возбуждать общаго и глубокаго вниманія.

Какъ человѣкъ, никогда не державшій въ рукахъ кисти, не можетъ написать точной копіи Мадонны Рафаэля, такъ и мы не можемъ выразить здѣсь ни красоты образовъ и сравненій, ни глубины содержательности этой первой рѣчи втораго Протопресвитера.

Отъ лица военнаго духовенства привѣтствовалъ О. Протопресвитера благочинный гвардейскаго духовенства, протоіерей С. А. Голубевъ.

Трогательная сердечность, которою сопровождалось представленіе военнаго духовенства своему начальнику, оставила самое отрадное впечатлѣніе.

Духовное торжество закончилось провозглашеніемъ многолѣтій. Съ чувствомъ душевнаго удовлетворенія расходились по домамъ пастыри церкви,

дѣлясь другъ съ другомъ полной увѣренности надеждой, что новый вождь и руководитель съумѣетъ повести вѣренное ему духовенство по пути славы и чести въ служеніи св. Церкви и Отечеству.

Протоіерей церкви гвардейскихъ казачьихъ частей *Іоаннь Бугославскій.*

Впечатлѣнія очевидца празднованія двухсолтїя завоеванія крѣпости «Выборгъ» Императоромъ Петромъ I.

Памятникъ Петру Первому еще былъ окутанъ покрываломъ. Тихо рѣяли около него хоругви всѣхъ церквей города Выборга и знамена полковъ, стоящихъ въ этомъ городѣ. Кротко смотрѣли съ нихъ лики Спасителя, Богоматери, также святыхъ угодниковъ, этой былой соли земли, осоляющихъ и сейчасъ грѣшную Русскую землю. Духовенство длинною золотою лентой вытянулось передъ ними. Внизу около подножья возвышенности, на которой высилась громада памятника, красивыми полукругами помѣстились солдаты разныхъ частей со своими начальниками, воспитанники реального, городского и другихъ училищъ со своими учителями, гимназистки со своею директрисой и воспитательницами. Вдали, гдѣ были жены офицеровъ гарнизона, съ красиво убраннаго павильона бѣлѣла полоса дамскихъ костюмовъ. У павильона расположились горожане разныхъ сословій и званій.

Новый Выборгъ собрался привѣтствовать могучаго Царя, который здѣсь двѣсти лѣтъ тому назадъ прославилъ русское имя своими подвигами и горами. Прогремѣли аккорды вѣчной памяти его потомковъ Царственному труженнику. Спустилось покрывало, и образъ дорогого всѣмъ и каждому изъ русскихъ Царя предсталъ, какъ живой. Опершись на пушку, онъ смотрѣлъ туда, внизъ, гдѣ разстился городъ. Загремѣли салюты орудійныхъ выстрѣловъ, привѣтствуя своего повелителя. Вотъ, взорвалась гдѣ-то тамъ, далеко за крѣпостью, послѣдняя ракета... Послышалось провозглашаемое протодіакономъ многолѣтіе всѣмъ властямъ: Царю, Синоду, Протопресвитеру, военачальникамъ, градоначальникамъ, продолжающимъ дѣло того, чьи орлиные очи смотрѣли сверху, — воинамъ христіанамъ, православнымъ христіанамъ.

Архіепископъ окропилъ св. водою памятникъ.... Понеслись могучіе звуки: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Крестный ходъ, пѣвчіе, священнослужители удалялись отъ памятника... Къ подножью его влалась вѣнка, символы чувства признательности русскихъ сердецъ... Понесся къ небесамъ послѣдній звукъ гимна, слышалась команда: войска готовились парадировать мимо Царя Петра. Съ ружьями на перевѣсъ лихо прошелъ первый Выборгскій крѣпостной баталіонъ со своимъ ветхимъ боевымъ знаменемъ, видѣвшимъ когда-то самого Петра. Обернувшись лицомъ въ полуоборотъ къ его изображенію, стройно шли молодцы солдаты... «Привѣтъ тебѣ, нашъ могучій Царь! мы, потомки твоихъ славныхъ орловъ, готовы умирать за тебя»... Съ обнаженными головами шли ученики реального, городскихъ училищъ и ихъ учителя... «Мы, продолжатели твоего дѣла, твои будущіе и настоящіе работники! мы всѣ силы положимъ на благо отчизны, возсозданной когда-то Тобою!» Юнцы предводимые педагогами, считая тактъ музыки, старались твердо отбивать шагъ, подражая солдатамъ: вѣдь, взоры Самого Царя, солдата, трудника-работника, смотрѣли на нихъ. Восхищенными глазами смотрѣла на работниковъ государства живая стѣна публики. Прекрасная русская картина чествованія Петра Великаго развернулась во всю свою ширь.

Море воспоминаній—о славной борьбѣ за исконныя русскія начала подъ предводительствомъ этого великаго Царя—колыхалось около подножья этой картины. Сглаживались грани, отдѣляющія прошлое отъ настоящаго и будущаго. Величественное прошлое, прекрасное настоящее, чуднымъ сіяніемъ славы блистающее будущее сливалось вмѣстѣ... Словно стая баклановъ, плыветъ могучій Царь со своими соратниками брать неприступную твердыню Торкеля и его нечестивыхъ свеевъ. Неисчислимыя бѣды приносили эти свои подданнымъ Петра—ихъ благосостоянію, ихъ вѣрѣ, и особенно стали опасны, когда онъ основалъ тамъ недалеко, на берегахъ того же залива, свою столицу Петерградъ. Крѣпка твердыня Выборгскаго шлоса; неприступны зубчатая стѣна его башенъ, въ которыхъ засѣли закаленные въ бояхъ шведскіе воины... «Уповаемъ на милость Бога», говоритъ Царь Петръ, и идетъ, и ведетъ своихъ могучихъ соратниковъ, выращенныхъ имъ же самимъ, русскихъ богатырей, перевѣдаться съ врагомъ и въ виду неприступныхъ твердынь ставитъ свою палатку и свой походный образъ Нерукотвореннаго Спаса. Въ тиши ночной Онъ бьетъ поклоны предъ Милостивцемъ Спасомъ, прося Его спасти врученную ему Русь. Сильною могучею рукою онъ на сѣрой плитѣ чертитъ крестъ Своего Спасителя и начинается смерт-

ный бой. Шлось сдася... Съ почетомъ отпушенъ его гарнизонъ: лежа-чаго не бьютъ. На шпичѣ шлоса рѣтетъ русскій флагъ, символъ русской государственности. Радуется Петръ: его Петерградъ будетъ отдыхать на подушкѣ, положенной его русскою мощью.

Прошло два вѣка и втеченіе ихъ забылись завѣты Великаго Петра. За грѣхъ забвенія наступила тяжелая расплата, и теперь мы присутствуемъ при пробужденіи русскаго самосознанія. Первые ряды богатырей—эти священники, солдаты, замученные революціей, всѣ эти полицейскіе, подстрѣленные изъ за угла, всѣ эти 50 тысячъ замученныхъ крамолой, пали въ борьбѣ за тѣ исконныя начала Руси, за которыя боролся Петръ. Но ихъ кровь, какъ масло, разжигаетъ пламя пожара. Надвигается могучая сила русскаго народа, породившая когда-то Петра: объ этомъ свидѣлствуютъ ясно и понятно всѣ эти чествованія, вся эта помпа, всѣ эти собранія и союзы православныхъ карель, по случаю двухсотлѣтняго юбилея крѣпости. Въ золотистой дали зашедшаго солнца Петра обозначаются контуры великаго прекраснаго будущаго великаго русскаго народа. Вѣдь, по законамъ исторической жизни, каждое великое лицо—богатырь ли то физической или умственной, нравственной силы, геній ли какой народа, оно не есть какое либо отдѣльное отъ народа, чуждое ему, лицо. Нѣтъ, оно есть порожденіе тѣхъ качествъ народа, къ которому принадлежитъ. Оно есть осуществленіе тѣхъ дорогихъ мечтаній—отдѣльнаго ли народа, всего ли человѣчества—которыя коренятся тамъ, въ самомъ внутрѣ души человѣческой. Въ данномъ случаѣ Царь Петръ есть порожденіе русскаго народа, русской православной души. Если онъ великъ и могучъ, то какъ же велика и могуча та земля, которая его породила, та русская православная душа, которой, давно ли, нашъ провидецъ Достоевскій далъ названіе «Богоносецъ». «Исторія ни одного народа», говоритъ Соловьевъ, «не представляетъ намъ такого великаго, многосторонняго преобразованія, сопровождавшагося такими великими послѣдствіями, какъ для внутренней жизни народа, такъ и для его значенія въ общей жизни народовъ, во всемірной исторіи, какъ дѣло Петра» О, какъ же великъ тотъ народъ, плоть и кровь котораго составляетъ Петръ, какіе великіе задатки сокровища хранить онъ въ своей душѣ!.. Если теперь раздается змѣиное шипѣніе враговъ Руси, если внутри идетъ работа разложенія исконныхъ началъ ея, если появляются различныя выродки, отказывающіеся даже отъ своего наименованія «Русскій», стыдящіеся за свой родной языкъ, то это

все до поры, до времени. Придетъ пора, и потомокъ могучаго Петра встанетъ во весь свой великій ростъ и крикнетъ зычнымъ голосомъ всѣмъ врагамъ русскаго дѣла и русской народности:

Прочь! Всѣмъ оймѣрю
Русской мѣрою,
Не замай меня,—
Исковеркаю!

Мало этого...

Онъ укажетъ самымъ своимъ дѣломъ, что
На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Днѣпра и Волги, и Оки,
Живетъ народъ непобѣжденный,
Смирившій множество враговъ,
Всегда предъ Господомъ смиренный,
Хранящій духъ своихъ отцовъ.

Священникъ *Соколовскій*.

Правда о военномъ духовенствѣ.

(По поводу замѣтокъ г. Скворцова въ «Колоколъ»).

Въ наше время длительной и тяжелой общественной смуты и безчисленныхъ нападковъ на православную Церковь и духовенство со стороны исконныхъ и новыхъ, явныхъ и тайныхъ враговъ, отъ духовныхъ пастырей требуется напряженная, широкая и неустанная работа на пользу православія въ обширномъ кругѣ ихъ священныхъ обязанностей. При враждебномъ Церкви настроеніи широкихъ общественныхъ слоевъ, единеніе епархіальнаго и военнаго духовенства во всѣхъ стадіяхъ духовно-пастырской дѣятельности есть не только требованіе высшаго нравственнаго закона, объединяющаго ихъ дѣятельность, не только слѣдованіе заповѣди Пастыреначальника Христа, данная прежде всего священнослужителямъ Церкви, «да будутъ едино» (Іоан. 17, 11), это настоятельное требованіе самой жизни, рѣзко ощутительное даже для нечуткаго въ нравственномъ смыслѣ человѣка,—громкій, не перестающій зовъ безконечныхъ суровыхъ будней, котораго не можетъ не слышать «имѣющій уши». При современномъ по-

ложеніи Церкви и духовенства среди шумнаго стана яростныхъ враговъ, разладъ между пастырями, даже бѣглая скользящая тѣнь его, были бы не просто печальнымъ явленіемъ въ домашней жизни даннаго общественнаго кружка, а вопіющимъ преступленіемъ противъ христіански-пастырской тактики, противнымъ какъ высокому «уму Христову», такъ даже слабому, элементарному «здравому смыслу» человѣческому. Тамъ, гдѣ всѣ наличныя силы находятся въ постоянномъ расходѣ, гдѣ для всякой свободной энергіи есть необходимое и немедленное приложеніе къ ближайшему и въ общемъ планѣ большому дѣлу, тамъ строго расцетливая, бережливая экономія силъ, всемѣрное сплоченіе ихъ около общаго центра, составляетъ священный лозунгъ минуты.

Нравственную огромность этого требованія, его крайнюю настоятельность и социальную важность прекрасно понимаютъ люди, близко стоящіе къ церковной жизни, воодушевленные искренней и глубокой ревностью къ завѣтамъ христіанскаго пастырства. Всѣмъ намъ памятно посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Антоніемъ Семеновскаго военнаго госпиталя и Введенской церкви л.-гв. Семеновскаго полка, въ свое время отмѣченное въ духовной прессѣ, какъ полный евангельской любви, мудрый шагъ архипастыря, сближающаго въ своемъ лицѣ разнохарактерные интересы православныхъ духовныхъ вѣдомствъ разныхъ названій на всемъ пространствѣ русскаго государства. Позднѣе на страницахъ «Вѣстника воен. дух-ства» можно найти цѣлый рядъ описаній торжественныхъ встрѣчъ, оказанныхъ епархіальнымъ архіереямъ при посѣщеніи ими военныхъ храмовъ; тамъ же можно встрѣтить немало рѣчей, произнесенныхъ святыми при освященіи военныхъ церквей и при служеніяхъ во время полковыхъ праздниковъ. Подъ благотѣльнымъ дѣйствіемъ обоюдныхъ усилій высшихъ представителей епархіальной и военно-духовной власти постепенно забывалась старая рознь епархіальнаго и военнаго духовенства и создавалась новая обстановка, въ которой дѣятели того и другого вѣдомства совмѣстно трудились для общаго блага единой Церкви.

Невольно вспоминаются примѣры, живо рисующіе атмосферу любви, въ которой происходитъ дружная работа нѣкогда разрозненныхъ двухъ вѣдомствъ, напр., весьма теплый отзывъ Туркестанскаго преосвященнаго Дмитрія о полезной дѣятельности военнаго священника (о. Т. А. Иваницкаго) на поприщѣ епархіальнаго миссіонерства противъ ислама ¹⁾.

¹⁾ Вѣстн. воен. дух. 1910 г. № 6, стр. 186—188.

Заслуживаетъ упоминанія послѣднее братское собраніе военнаго и морскаго духовенства. Воодушевленный горячимъ желаніемъ тѣснаго единенія съ епархіальными дѣятелями, покойный протопресвитеръ А. А. Желобовскій пригласилъ къ участію въ этомъ собраніи, 14-го марта сего года, давно уже посвятившаго себя миссіонерству чиновника ос. поруч. при г. Об. Прокурорѣ Св. Синода В. М. Скворцова и столичнаго противосектантскаго миссіонера Д. И. Боголюбова для разработки вопроса о борьбѣ съ сектантствомъ въ Петербургѣ. Оба дѣятеля епархіальнаго миссіонерства охотно приняли участіе въ докладахъ собранія, которое прошло оживленно и съ пользой. Голосъ знатоковъ миссіонерскаго дѣла былъ выслушанъ съ живымъ интересомъ и съ благодарностью.

Отрадные факты ближайшаго прошлаго и настоящаго, свидѣтельствующіе о согласной работѣ военнаго и епархіальнаго духовенства на нивѣ Божіей, позволяютъ надѣяться на дальнѣйшее развитіе взаимоотношеній духовенства двухъ вѣдомствъ въ томъ-же благословенномъ направленіи для вѣдшей пользы св. Церкви.

Къ сожалѣнію, люди, лишеныя общественнаго чутья, не понимающіе призывнаго лозунга переживаемаго историческаго момента, грубо топчутъ молодые всходы нарастающаго единенія духовно-пастырской силы, представляемой духовенствомъ военнымъ и епархіальнымъ. Боевые мотивы ихъ братоубійственной пѣсни стары, какъ старь разладъ двухъ вѣдомствъ — епархіальнаго и военно-духовнаго, вслѣдствіе многократнаго повторенія убійственно однообразны и надоедливо скучны. Если эти люди желаютъ вести язвительную рѣчь о протопресвитерѣ воен. и морск. дух., они заводятъ фальшивую пѣсню о «пресвитеріанствѣ» въ нашей церкви; если же хотятъ унижить военное духовенство, то кричатъ объ его бездѣятельности. У догадливыхъ и болѣе современныхъ изъ нихъ бываютъ болѣе счастливыя варіаціи, но онѣ случайны и рѣдки; мы-же говорили о лейтъ-мотивахъ. Пезпечные пѣвцы анахронизмовъ, наученные играть съ чужого голоса на нехитрой дудкѣ, они въ лучшемъ случаѣ — неосторожные адепты традиціоннаго недоразумѣнія, носители устарѣлыхъ взглядовъ на военно-духовное вѣдомство, представители воззрѣній, обветшавшихъ до истрепанности, имѣвшихъ когда-то живыя краски дѣйствительности, пока въ нихъ отражалась доля правды, а теперь давно полинялыхъ отъ времени. Въ худшемъ случаѣ — зловредные крикуны, приверженцы закоснѣлой узкой, кружковой злобы и глашатаи низкопробной, почти партійной вражды, на манеръ

той, въ которой съ рѣдкимъ постоянствомъ изощрялись теоретики миссіонерства старой школы въ упрекахъ военному духовенству: ихъ острое оружіе безъ устали колело и рубило только призрачныхъ противниковъ, не сокрушая дѣйствительныхъ никогда. Одинокіе борцы стараго миссіонерства периодически дѣлали свои отчаянныя вылазки, бесплодно поражая воздухъ тяжелыми ударами своего изощреннаго, но бесполезнаго искусства. Махать своимъ оружіемъ стало ихъ привычкой и, можетъ быть, стихійной потребностью.

Съ такимъ маханіемъ мы встрѣчаемся въ рядѣ замѣтокъ В. Скворцова, помѣщенныхъ въ распространенной среди духовенства газетѣ «Колоколь» (№№ 1242, 1243 и др.) подъ общимъ заглавіемъ «Содѣйствіе полковаго духовенства дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа». Мы должны быть, однако, справедливы. Хотя г. Скворцовъ уже болѣе двадцати лѣтъ съ переменнымъ успѣхомъ подвизается на широкомъ поприщѣ миссіонерства и, такимъ образомъ, принадлежитъ къ дѣятелямъ старой школы, но, согласно недавнимъ его заявленіямъ¹⁾, «маханіе оружіемъ» не есть, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, единственный принципъ его миссіонерства и, можетъ быть, осталось въ немъ, какъ досадный пережитокъ профессиональной привычки, неожиданно обнаруживающій себя въ обращеніи къ воображаемому противнику, къ безличной массѣ всего военнаго духовенства, на томъ-же поприщѣ нападающаго теоретизированія. Такимъ образомъ, измѣнился объектъ, а способъ отношенія къ этому объекту остался прежній—полемическаго наскока. Отъ такого вливанія новаго вина въ старые мѣхи получилась несообразность, какою и является по существу вся статья г. Скворцова: видный церковный дѣятель беретъ на себя инициативу въ сѣяніи раздора между духовенствомъ двухъ вѣдомствъ, оживляя застывшій антагонизмъ. Въ настоящее время острой нужды въ единодушій православныхъ пастырей безъ различія вѣдомствъ, къ которымъ они принадлежатъ, какая неблагодарная роль съ точки зрѣнія истинныхъ и нераздѣльныхъ интересовъ православной церкви и русскаго народа! Какъ всякое біеніе по воздуху, статья г. Скворцова не наноситъ намъ, военнымъ пастырямъ, никакихъ ранъ и могла бы быть оставлена безъ вниманія. Но, какъ неумѣстная попытка униженія военнаго духовенства, рѣзко крачащая о своей несвоевременности, — какъ громкій фактъ безъидейной безтактности,

1) «Вѣстн. воен. дух.» 1910 г., № 7, стр. 201—202.

оскорбительной для военнаго духовенства, она должна быть отмѣчена въ нашемъ журналѣ.

По своему общему содержанію статья г. Скворцова представляетъ систематическій сводъ, съ характеромъ амплификаціи, ходячихъ мнѣній о военномъ духовенствѣ въ той средѣ, которая стоитъ далеко отъ жизни военнаго сословія и военнаго духовенства, какъ и самъ авторъ. Тяжело выслушивать горькую правду, но полезно, лишь бы недоброжелательная критика указывала на дѣйствительныя недостатки. Въ такомъ случаѣ можно исправиться и стать лучше. Къ сожалѣнію, чтеніе статьи г. Скворцова не даетъ намъ этого утѣшенія. Мы не находимъ въ ней ни одного полезнаго совѣта, ни одного дѣльнаго замѣчанія. Вы думаете, что г. Скворцовъ, прежде чѣмъ бросить обвиненіе цѣлому вѣдомству, внимательно изучалъ жизнь военнаго духовенства и осторожно дѣлалъ свои выводы и обобщенія на основаніи цѣннаго запаса предварительныхъ наблюденій? Нимало. Онъ беретъ на себя смѣлость поучать цѣлый сонмъ пастырей, не учившись. Нехитрый процессъ работы г. Скворцова не трудно себѣ представить, видя ея удивительные по несовершенству результаты. Очевидно, онъ привыкъ отправляться въ миссіонерскія экскурсіи быстро и стремительно, съ легкимъ багажомъ: побесѣдовалъ съ т. наз. «свѣдущими людьми», сдѣлалъ нѣсколько справокъ подъ рукой и «айда! на коней!», погарцевалъ, пострѣлялъ бѣглымъ огнемъ (особенно мѣткой стрѣльбы не требовалось, пальба безкровная) и «отбой» — обратно домой съ чувствомъ человѣка удовлетвореннаго, имѣющаго право на отдыхъ. Задумавъ полемическую вылазку противъ военнаго духовенства, къ чему было учиться г. Скворцову? Видѣлъ-же онъ военныхъ священниковъ, бесѣдовалъ съ ними при случайной встрѣчѣ въ обществѣ, иногда говорилъ о нихъ съ другими людьми, посмотрѣлъ воинскій уставъ о внутренней службѣ, прочиталъ нѣкоторыя статьи воинскаго положенія, правда, вызывающія въ немъ самое сомнѣніе относительно ихъ свѣжести—въ изданіи 1872 г.!—дѣйствительно, устарѣвшемъ лѣтъ на двадцать сравнительно даже съ дѣйствующимъ Высочайше утвержденнымъ 12 іюня 1890 г. «Положеніемъ объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морскаго вѣдомствъ» и почти на сорокъ лѣтъ по сравненію съ новымъ уставомъ о воинской службѣ, но отчего не попытаться? иногда удавались покушенія съ негодными средствами! Ни одной книги по исторіи военно-духовнаго вѣдомства тоже не оказалось подъ рукой, но... получились готовые, какъ изъ головы Зевса, рубрики для британской статьи

о военномъ духовенствѣ и для поученія военнымъ пастырямъ по всѣмъ пунктамъ ихъ пастырскаго дѣла! Блестящее рождение Афины Паллады! Странно до невѣроятности, но чего не дѣлаетъ полемическій зудъ, особенно хроническій! Объектъ для нападенія у г. Скворцова былъ: это—военное духовенство, а средствъ для нападенія не было. Въ чемъ упрекнуть военное духовенство, оказалось большое затрудненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, выборъ темы весьма характеренъ для г. Скворцова. Любимый конекъ для епархіальныхъ нападокъ на военное духовенство всегда заимствовался изъ области миссіонерской. Чего-бы, кажется, лучше для г. Скворцова? Вѣдь, это именно по его спеціальности? Такъ, но обвиненіе военнаго духовенства въ бездѣйствіи противъ усиленнаго распространенія сектантства въ войскахъ давно изобличено въ своей полной неосновательности и въ качествѣ заблужденія генетически выяснено, какъ простое недоразумѣніе, явившееся вслѣдствіе отсутствія у критиковъ ближайшаго знакомства со всѣмъ строемъ повседневной жизни солдата. «Я никогда не думалъ и не думаю», говорилъ недавно самъ г. Скворцовъ¹⁾, «что воинская среда изобилуетъ пропагандистами и порождаетъ сектанство... При тѣхъ порядкахъ, какіе существуютъ въ войскахъ, нѣтъ возможности ни для активной пропаганды, ни для посѣщенія сектантскихъ собраній». Вотъ, слова специалиста, когда онъ говоритъ о томъ, что онъ знаетъ изъ современной жизни сектантства въ области, непосредственно соприкасающейся съ сферой дѣятельности военнаго духовенства. Несомнѣненъ фактъ, указываемый имъ, хотя мотивировка страдаетъ неточностью и напрасно соединена съ выразительной фигурой умолчанія. Не смотря на недомолвку, военные священники съумѣютъ оцѣнить честь, которую г. Скворцовъ невольно дѣлаетъ имъ. Дѣйствительно, всюду по епархіямъ оживилась сектантская пропаганда; общераспространенны жалобы, что на молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ присутствіе православныхъ стало обычнымъ явленіемъ²⁾. Отъ новой опасности не свободна воинская среда: по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для православныхъ воинскихъ нижнихъ чиновъ есть полная возможность посѣщать сектантскія собранія, лишь бы послѣднія устраивались предприимчивыми вожаками въ часы отпуска солдатъ изъ казармъ, что и замѣчается по мѣстамъ. Черезъ этотъ маневръ сектантовъ попытки пропаганды внутри воинскихъ частей, практически неосуществимыя, переносятся изъ казармен-

¹⁾ «Вѣстн. воен. дух.», 1910 г. № 7 стр. 201.

²⁾ «Церк. Вѣстникъ» 1909 г. № 10 стр. 291. (Вѣстн. воен. дух. 1910 г. № 2 стр. 53).

ныхъ помѣщеній внѣ ихъ, въ мѣста сектантскихъ сборищъ, удаленныя отъ наблюдательнаго глаза военныхъ священниковъ и военнаго начальства. Если, не смотря на это неблагопріятное обстоятельство, созданное новыми правилами освободительнаго періода, сектантство не развивается въ войскахъ, то причину этого отраднаго явленія должно искать не въ однихъ «порядкахъ, какіе существуютъ въ войскахъ», но именно въ неусыпной бдительности военныхъ священниковъ, зорко стоящихъ на стражѣ православія своей паствы въ казармѣ и внѣ ея, и въ своевременномъ принятіи противъ возникающаго зла соотвѣтствующихъ мѣръ, сначала въ порядкѣ прямого пастырскаго воздѣйствія, а, въ случаѣ недостаточности ихъ и по соображеніямъ неотложной нужды, также въ видѣ косвенныхъ мѣропріятій, смѣшаннаго характера, по инициативѣ пастырской изъ круга средствъ, находящихся въ распоряженіи военной власти. Отмѣчаемъ это умолчаніе г. Скворцова о военныхъ священникахъ въ случаѣ, гдѣ, при удовлетворительномъ знаніи военныхъ порядковъ, послѣ многолѣтняго ряда настойчивыхъ и въ тоже время напрасныхъ упрековъ со стороны епархіальныхъ миссіонеровъ военнымъ пастырямъ, казалось бы, трудно для человѣка свѣдушаго и безпристрастнаго не обмолвиться словомъ заслуженной похвалы по ихъ адресу, и относимъ эту многозначительную недомолвку какъ къ малоизвинительной неосвѣдомленности г. Скворцова о порядкахъ въ жизни воинскихъ частей, такъ и къ еще менѣе похвальному предубѣжденію его противъ военнаго духовенства.

(Продолженіе впродъ).



ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Не откажите, ради истины, помѣстить въ «Вѣстн. Воен. Духовенства» нѣкоторую поправку къ словамъ почившаго О. Протопресвитера А. А. Желобовскаго въ томъ, что касается «возникновенія» Св.-Троицкаго общества трезвости въ Кронштадтѣ (№ 10, стр. 318), а также—времени его основанія.

Св.-Троицкое общество трезвости задумано и основано бывшимъ настоятелемъ Свято-Троицкой кладбищенской церкви въ г. Кронштадтѣ, священникомъ Н. Н. Вертоградскимъ (нынѣ священникъ Спб. Симеоновской церкви). Мое участіе въ дѣлѣ возникновенія Общества ограничивалось лишь сердечнымъ сочувствіемъ святому дѣлу пастыря—труженника.

Съ благословенія Высоксиреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія, Общество начало свою дѣятельность съ 25-го марта 1903 года, вызывая искреннее сочувствіе къ себѣ всѣхъ радѣтелей огрезвленія народнаго въ Кронштадтѣ, во главѣ съ незабвеннымъ в.-а. С. О. Макаровымъ, который оказалъ о. Н. Вертоградскому самую дѣятельную помощь въ его предпріятіи.

Начатое дѣло, въ труднѣйшее время жизни Общества, о. Николай вынесъ на своихъ плечахъ. За этотъ періодъ трезвенники не имѣли своего угла для собраній, бесѣдъ и лекцій. Просвѣщенный покровитель Общества адмиралъ Макаровъ содѣйствовалъ Обществу устроиться сначала въ Народномъ домѣ, принадлежащемъ Особому комитету Попечительства о народной трезвости, потомъ въ Портовой столовой. Въ 1905 году основатель общества, семья трезвенниковъ и друзья общества имѣли радость освятить домъ общественный, построенный въ томъ же году великими трудами и тяжкими заботами дѣятелей, на участкѣ земли морскаго вѣдомства, отведенномъ, по ходатайству военнаго губернатора г. Кронштадта К. П. Никонова.

Съ этого приблизительно времени начинается мое активное въ дѣлахъ Общества участіе, которому почившій О. Протопресвитеръ далъ столь лестную, превыше заслугъ моихъ, оцѣнку.

Протоіерей К. Красовскій.

Содержаніе. Часть оффиц.: Распоряженія О. Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства.—Призывъ Императ. Моск. Археолог. Общества къ пожертвованіямъ на памятникъ патриарху Гермогену и архимандриту Діонисію.—Часть неофиц.: Празднованіе 200-лѣтняго юбилея Выборгской крѣпости (окончаніе).—Единое и совершеннѣйшее начало человѣческой жизни.—Торжественное богослуженіе въ домовой церкви О. Протопресвитера.—Впечатлѣнія очевидца празднованія 200-лѣтія завоеванія крѣпости, Выборгъ, Императоромъ Петромъ I.—Правда о военномъ духовенствѣ.—Письмо въ редакцію.

Редакторъ, Прот. Іоаннъ Таранецъ.